ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

"One Church"

2

НЬЮ-ИОРК
1947

„АЗ ЕСМЬ СВЕТ МИРУ" — Ін. 8, 12 **Во Славу Божию**

„ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ" — "ONE CHURCH" — No. 2.

Цена отдельного номера 40 ц., с пересылкой — 45 ц. (можно почтовыми марками).
Принимается годовая подписка (1947 г.) на 4 выпуска — 1.50, с пересылкой — 1.70.

Адрес: "ONE CHURCH" S. Gussiev-Orenburgsky, Secretary
345 East 19th St., New York 3, N. Y. • Telephone GR. 5-0337

БУДЕТ ЛИ СОБОР ПАТРИАРШЕЙ ЦЕРКВИ?

В прошлом номере журнала был напечатан Наяаз для работ Всеамериканского Собора Патриаршей Церкви. Кроме того в газетах было объявлено о нем. Но как известно, собор доселе не состоялся. Подготовительная Коммиссия не раз уже печатала о том, что вопрос о нем отложен до приезда Патриаршего Посла, Митрополита Григория. Но некоторые и доселе не знают или интересуются вопросом: будет ли Собор Патриаршей Церкви? Кратко отвечаем на это. Как известно уже, Патриархом наш Собор был назначен приблизительно за месяц до Кливлендского Собора. Тогда было очень мало надежд на благополучный исход последнего: мало кто ожидал подчинения Русской Церкви в Америке. Патриарху. А потому (так я лично предполагаю) Св. Патриарх и повелел нам созвать свой Собор.

Но по Божией милости на Кливлендском Соборе решили остаться в единении с Матерью Церковью и признали Патриарха своим главою. Для окончательного выяснения форм этого примирения Св. Патриарх посылает своего представителя для переговоров. Вследствие этого немедленно перед нами встал вопрос: каков же смысл теперь созывать нам свой Собор, если и мы, и Кливлендцы признаем теперь общего Отца Патриарха? И о чем бы мы могли рассуждать, когда нам неизвестно еще, чем подробно закончатся переговоры с Патриаршим Послом? Поэтому и Собор и самый вопрос о созыве его был нами отложен до приезда Посла и до выяснения условий примирения с Патриархом. А потому будем ждать благополучного окончания переговоров, молясь в любви, смирении и единении об их успехе.

Патриарший Посол скоро будет здесь. Св. Патриарх 6 апреля прислал мне телеграмму, что „выезд М. Григория предположен после пасхальной недели" и „приветствует . . . всю братию с светлым праздником".

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН.

ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ МОСКВЫ МИТРОПОЛИТУ ВЕНИАМИНУ.

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС И ВСЮ БРАТИЮ СО СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ.

ЗА ПРИВЕТСТВИЕ МЕНЯ И АКАДЕМИИ БЛАГОДАРЮ. ПРИМИТЕ МОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ С СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

МИТРОПОЛИТ ГРИГОРИЙ.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ, КРЕПКО ЦЕЛУЮ.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

КЛИР, ПАСТВУ И ВСЕХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПОЗДРАВЛЯЮ С СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА!

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОБРЫХ И ЩЕДРЫХ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ, СОТРУДНИКОВ, ПОДПИСЧИКОВ, ЧИТАТЕЛЕЙ И ВСЕХ ДРУЗЕЙ С ПРАЗДНИКОМ ПРАЗДНИКОВ И ТОРЖЕСТВОМ ИЗ ТОРЖЕСТВ, — СО СВЯТОЙ ПАСХОЙ ХРИСТОВОЙ! ДА ДАРУЕТ ВОСКРЕСШИЙ НАШ ИСКУПИТЕЛЬ КАЖДОМУ РАДОСТЬ ПО СЕРДЦУ!

Ред. журнала «ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ».

„ВЕСЕЛИЕ ВЕЧНОЕ"

(Пасхальные Воспоминания)

Все мы, христиане, знаем, что на Пасху переживается нами исключительная радость, необычайное веселие духа. И Церковь в своих песнопениях пасхальных с необыкновенною силою внушает нам эти светлые чувства. Вот послушаем несколько таких слов. Канон Пасхи прямо и начинается с приглашения веселиться: „Воскресения день: просветимся, людие, победную (песнь) поющия". „Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное". Царь Давид пред „ковчегом скакаше, играя", когда переносили его в Иерусалим из Кариафиарима в построенную скинию: так и на Пасху „люди Божии святии", все мы „веселимся божественне, яко воскресе Христос". Веселятся даже во аде: „адовыми узами содержимии к свету идяху, Христе, веселыми ногами, Пасху хваляще вечную". И „богомудрые жены" мироносицы „поклонишася радующеся Живому Богу". И вся вселенная „от запада и севера и моря (юга) и востока" пришла, „благословящая Христа во веки". Воистину „сей нареченный (особенный) и святый день, праздников праздник и торжество есть торжеств". „Пасха красная".

Об этом „веселии" хочется написать на этот раз. Но не в форме богословских рассуждений, а в виде воспоминаний из прошлого

и пережитых настроений и мыслей на Пасху.

Вот — детство. Боже, как мы ждали этот день. Да можно сказать, что и весь пост был лишь подготовкой и ожиданием Пасхи. Так и Церковь на протяжении всех великопостных богослужений помнит и готовит нас к этому „нареченному дню". Но мы, дети, не зная богослужения, каким-то чувством таинственным ждали этого единственного дня. Говорили-ли нам родители о нем; но и они не знали смысла богослужений. Видимо, сама Божия благодать учила их, а они — нас. Накануне „светлого" дня, в нашем бедном домике, в одну комнату, разделенную невысокой перегородской от „кухни", точнее-от печки, было и число и в детстве: а ожидание чудесной тайны какой-то. Пасха — это грядущая красота, которая вот-вот сейчас и явится. И еще ребенком я почему-то знал, что эта красота откроется только в храме, во всей ее полноте. И потому я мечтал задолго, что „уж на эту Пасху и меня возьмут" в храм на полночное торжество. А было мне тогда, вероятно, года четыре, не более пяти. Мишу, старшего брата, возили уже в прошлом году; а меня не брали, как я ни просил; мать успокаивала, но велела все же „пока" соснуть: „иначе не выстоишь службы". И я, в ожидании, что меня в свое время разбудят, лег. И проснулся, когда уже наши приехали ранним утром из церкви. Боясь повторения такой неудачи, я и просил мать разбудить и взять „миня": она обещала. И на этот раз исполнила свое слово. На „пегашке" ночью мы всей семьей, кроме меньших детей, поехали в церковь. Первая моя пасха. Я не могу рассказать, почему; но эта служба была для меня сплошным, непрерывным ярким торжеством. И сейчас не сумею объяснить этого. Конечно, никаких богослужебных слов я не понимал, да и не слышал их: но некое внутреннее играние веселило меня. Чудное дело. Стоит задуматься над этим и богослову, и психологу; но сейчас — не до этого. Свечи в руках. Зажженная люстра среди храма. Пение веселое. Разодетые люди. Пальба из каких-то старинных пушек, хранившихся у „барина". „Христосование", как называлось целование на Пасхальной заутрене. Красные яйца. Кругом храма бочки со смолою и пылающие „плошки". Потом освящение „куличей и пасх вместе с крашеными яйцами": все это было расставлено вокруг всего храма в чистых белых платках, с воткнутой в кулич копеечной свечкой. Начиналась уже розоватая заря, тихая-тихая: точно вся природа замерла, прислушиваясь к тайне радостной Пасхи. Да, все это верно: но радость Пасхи не от этого внешнего убора, и не после него, а еще прежде и независимо от всего, играла в детском сердце. Как бы это сказать теперь: точно весь воздух в храме был наполнен, насыщен, пронизан духом радости, необъяснимой для ума.

Забравши наши узелки, мы на той же „пегашке" покатили домой: помню, под колесами иногда хрустели льдинки замерзшей в колеях весенней, еще не просохшей, воды. Дома лампадки перед иконами. Короткое „разговенье": но и это не привлекало сильно. Душа была пресыщена радостью в церкви; а тело, утомленное необычайным напряжением чувства, а также и бессонницей, тянулось на кроватку. И я засыпал блаженным сном. Ангельское детство . . .

Студенческие годы в Петербургской духовной академии. То же радостное богослужение. После службы—богатейшие „розровены" в столовой, до небывалого угощения винами, на счет „казны". Это была первая моя пасха в академии. Увы, многие перепились. Начали петь светские песни. И всем этим отравилась чистая, небесная пасхальная радость: душа затосковала, точно потерявши благодатную радость воскресения. И вспоминаются слова Царя Давида после потерянной им радости через грех: „воздаждь ми радость спасения", — плачет он пред Господом, — то есть — возврати ее мне.

И в следующий год мы, несколько студентов, не пошли уже из церкви в нетрезвую столовую, а разговлялись у инспектора А. Ф-на, где было тихо. И прочли при этом житие поразительного святого пустынника, Марка Фраческого. Он получил философское образование в Афминах, но потом бросил все и ушел в египетскую пустыню, где в совершенном одиночестве прижил 95 лет. Его видел преподобный Серапион и рассказал, что по слову Марка двинулась гора, а потом стала на прежнее место, — согласно слову Христову: если кто имеет настоящую веру, то по его слову и гора двигнется (Марк. II,23). А потом, по его же молитве, в пещере явилась чудесная и обильная трапеза для гостя. И невольно подумаешь: как же мы далеки от подлинных христианских сил и жизни. А, ведь, эти чудеса засвидетельствованы и очевидцами.

Кстати нужно сказать тут: подобные искушения перехода от духовной пасхальной радости к чисто плотским увлечениям постоянно грозят нам и теперь. Где свет, там и тени. Где Бог, там жди и искушений врага. И тогда гибнет „веселие вечное", непреходящее, Божие, истинно-пасхальное.

Вот я уже епископ: Состою преподавателем и духовным отцом нескольких сотен юношей-кадетов в казачьем Донском кор-

пусе, в г. Билеча, на юго-западе Югославии. В течение всего поста учащиеся говели по сотням. И как они хорошо исповедались: смиренно и откровенно. Но старшие кадеты прислали ко мне двух делегатов с просьбою разрешить им исповедаться у моего сотрудника, схиеромонаха старца о. Макария: „мы — такие грешники, Владыка, что нам у вас стыдно и исповедываться". Конечно, я согласился с радостью на эту смиренную и покаянную просьбу милых „грешников". Но все же некоторые почему-то исповедывались и у меня. И вот хорошо помню, как после Св. Причастия в мою комнату пришли два взрослых кадета, лет по 16-17. Высокие, красивые, но тихие, мирные, ласковые. Я попросил их присесть и спросил:

— Что вы пришли ко мне?

— Так, — ответил один из них по детски просто.

— Как вы чувствуете себя? — спрашиваю.

— Хорошо-о, — сказал другой.

А первый добавил в раздумье:

— Как под Пасху.

Я хорошо запомнил эти слова „как под Пасху":

Есть действительно разница в чувствах „под Пасху" и на самую Пасху в степени радости: под Пасху она тихая, мирная, успокаивающая. И суббота под пасху есть день духовного „покоя", образ будущего блаженного „вечного покоя". Я молчал и слушал этих причастников с радостью.

— И подумать только, — сказал один, — за что это дал Господь, только за одно покаяние.

Я удивился, но молчал.

И они молчали.

И казалось мне, что это не кадеты у меня, а — ангелы Божии.

Вспоминается пример из светской жизни, в той же Югославии. Однажды посетил наш монастырь „Петковицу", возле Шабца, корреспондент русской беженской газеты в Белграде. Было дело перед Пасхой. Между прочим, он попросил меня дать ему какую-нибудь тему на пасхальную статью, заказанную ему редактором. Подумавши, я предложил ему идею: „Пасха и человек". Только на Пасху мы бываем настоящими людьми, человек-человеком. Древние римляне выдумали даже пословицу, которую многие повторяют и доселе: „Человек человеку — волк". Прошло почти две тысячи лет, ученый человек „христианской" страны — Англии, Чарльз Дарвин обїявляет то же самое: основной закон всей мировой жизни, включая и обезьяноподобного человека, это есть „борьба за существование". И как обрадовались тогда (да и теперь еще радуются многие) „образованные" по „образу Божию" люди, что они будто бы произошли от обезьян, и что их главной задачей является звериная борьба за себя, что выживают в этой безпощадной борьбе сильные и более приспособленные особи, пожирая других. Этот же закон борьбы перенесен был, — или сказать иначе — был „открыт" философами и социологами и в социальной жизни людей. „Борьба классов" — вот единственный неоспоримый факт и двигатель истории. По крайней мере — пока. Дальше же предполагается счастливая обобществленная жизнь в мире, любви и единстве. Но до этого времени нужно бороться и бороться. И действительно борются: мы были свидетелями такой борьбы, что и представить было невозможно — в только что окончившуюся мировую войну. Верить нельзя было в такую жестокость, какую проявили „культурные" люди: миллионы сжигаемых, еще более миллионов убитых. Значит, много правды в этих, казалось — неразумных теориях о „борьбе". И сейчас, не успели мы забыть прошлые жестокости, как охотники до крови уже поют гимн новым войнам; и человечество снова начинает дрожать перед новой бойней. Человек человеку — волк.

Но вот — Пасха.

И люди, которые редко улыбаются, теперь с ласковыми взорами и радостными приветствиями встречают друг друга: „Христос воскресе". — „Воистину воскресе", — отвечают ему, тоже улыбаясь. Пусть не долго, но все же луч любви, единства и взаимной радости озаряет нас в этот единственный день в году. Мы становимся одной будто семьей. И забываем вражду (или по крайней мере, знаем, что нужно забыть ее), — как и церковь поет нам: „Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обымем. Рцем братия. И ненавидящим нас простим вся воскресением". И дивное дело: начинаем в храме радостно целоваться во имя Христово, „христосоваться". Увы, теперь и этот святой и узаконенный церковью обычай начинает исчезать. Но радость еще остается в душах и во взорах.

Вот этот мотив Пасхи я и предложил корреспонденту описать в газете: только на Пасху в человеке проявляется подлинная его природа, богообразная, любвеобильная, — ибо Бог есть любовь, — единая для всего человечества. Человек хоть раз в году становится на время человеком в лучшем смысле этого слова, в подлинном его значении. И человечество должно бы радоваться такому факту церковной жизни. И собственно говоря, даже Церковь бывает Церковью больше всего на Пасху. Закон Церкви — единство рода человеческого, как цель, поставленная ему Богом при создании, а потом восстанов-

ленная воскресением Христа. И любовь друг ко другу, этот непреложный закон единства Церкви, без коего и нет Церкви, осуществляется на Пасху.

И становится понятным: почему в этот день в Церковь спешат даже те люди, которые весь год не посещают храма: „веселие вечное" открывается и им. Я знаю, что даже евреи некоторые сорадуются с нами на Пасху и на приветствие „Христос воскресе" отвечают с хорошей улыбкой „Воистину воскресе".

М. Вениамин.

Вселенскость Православия и Русская Православная Церковь

(Из журнал. Моск. Патриархии)

По своей природе Православная Церковь всемирна. Она не вмещается ни в отдельную эпоху, ни в частный народ; не может она ограничиться и определенным психическим типом сознания. Она всегда переливается через край границы, как переполненная чаша, всегда устремлена в ширь, как весеннее русское половодье. Даже такие два величайших государства, как древняя Римская Империя, которую недаром называли „екуменикой" (вселенской), и шестая часть света — Российская Империя и, ее преемник, Союз Советских Социалистических Республик — эта великая семья столь множества народов, скорее мир, чем страна, — узки для Православия! Еще с Апостольских времен движимые повелением Господа и Учителя: „шедше научите вся языцы" . . . „до края земли", проповедники Евангелия переступали границы империи, на восток, на юг и на север; проникали в Армению, Персию, Индию, Ефиопию и в варварскую той эпохи северную Европу. Та же неудержимая устремленность в даль, которую можно сравнить только с быстро бегущим огнем лесных пожаров, двигала Русскую Церковь с момента ее зарождения не только к славянским народам, но и к многоречивым племенам европейской и азиатской России, до Иркутска, Владивостока; но и там, не находя себе покоя, она, Русская Церковь, спешила дальше, — в начале XVIII века, она воздвигает первый православный храм во имя Софии, Премудрости Божией, в Китае, а с кнца XIX века касается страны восходящего солнца, орошает живоносной росой Православия Японию, чтобы, перелетев потом Тихий океан, возжечь Православием сердца алеутов и жителей Северной Америки. Но никогда еще с такою силою Православная Церковь, в лице Московских предстоятелей, как бы от „избытка сердца" не провозглашала о своей всеобъемлющей, всемирной, вселенской любви, как сегодня. Вчера еще ее посланник в Западную Европу Высокопреосвященнейший Николай, молясь с нами, беседую с нами, действую посреди нас, свидетельствовал нам духом своим, что „свет Христов просвещает всех", что объятия материнские Церкви распростерты широко: в них есть место всем, кто хочет припасть к ее груди . . . В нем мы осязали, во что мы верили. Им накладывалась печать утверждения на то, на что мы все уповали и к чему мы все стремились . . . Но прежде чем говорить о всех тех конкретных событиях последних десятилетий, которые как бы многоколокольным пасхальным трезвоном свидетельствуют миру в наш век о вселенском размахе Православия, полезно сделать два замечания.

В последнее время каждый шаг Русской Церкви клеймится частью заграничной прессы, подозрительно относящейся к успеху Православия, как „московские империалистические притязания". Собирается Собор в Москве — спешат прибавить „империалистические притязания"; едет Святейший Алексий помолиться в Иерусалим, видят в этом скрытые намерения империалистического характера; восстанавливается западное Православие — не что иное как посягательство Москвы на Запад. Искать источник этого "mot d'ordre" мы не будем, но мы не имеем права его совсем пройти молчанием, так как этим брошенным словцом „империализм" затемняется подлинное лицо Христовой Церкви, компрометируется перед мало утвержденными вселенский характер Православия и его всемирное воссияние в наши дни.

Дух вселенскости и дух империализма не только не схожи друг с другом, но даже противоположны друг другу. Вселенскость — от Бога, империализм — от кесаря. Вселенскость соединяет, а не подчиняет, вселенскость любит единство в многообразии, где слабый не умален пред сильным. Единство вселенскости в духе и истине, а не во власти. В своем вселенском устремлении Церковь ищет не господства, а общения. И если дать

точное определение вселенской природе Церкви, то это преломление в ее сознании лучей Троичной энергии.

Второе необходимое замечание следующее. Хотя по своей природе Православие всемирно, как мы утверждали выше, и в своих главных исторических линиях не изменяет своему вселенскому призванию, но периодами и в частных своих проявлениях оно не всегда могло явить его по всей силе.

Так раскол между Западной Церковью и восточными церквами на время положил с Запада предел разливу Православия. На 1000 лет Православие свернулось в восточных границах. Оно не совсем замкнулось, многое с Запада вливалось в Православие, со вниманием Церковь следила за римско-католическим и протестантским миром; она сознавала временность этого ненормального положения; переносила поношения, хранила вверенную ей истину, молилась и ждала конца срока. В двадцатый век Промысл открыл 1000-летние шлюзы. Православное рассеяние покрыло Запад церквами, родились движения, приближающиеся к Православию, в поисках его Предания . . . Так, подчинение Церкви государству стеснят вселенское устремление Православия, лишая его самобытной жизни, втягивая его в чуждую, ограничивающую, не духовную среду. 200 лет синодального периода были по преимуществу такими трагическими годами для вселенского сознания Церкви, ее вдовством. Каждое государство изолировало свою церковь от соседних церквей, удушало огонь миссии, навязывая ей нецерковные задания . . . Отделение Церкви от государства в 1918 г. в России и сейчас отделение других православных Церквей от их государственных властей освободило Церковь, предоставив ее самой себе, вернув ей попечение не земное, а небесное.

Каковы же сведания о всемирном воссиянии Православия в наши дни?

Возрождение западного Православия, Великий Московский Собор, прекращение расколов, поездка Святейшего Патриарха Алексия на Ближний Восток и Высокопреосвященного Митрополита Николая в Западную Европу. Эти события такой исторической важности, что каждому из них надо было бы посвятить отдельную серьезную работу, они будут вписаны в историю Христовой Церкви крупными буквами, хотя бы уже потому. что почти о каждом из них можно сказать „впервые". Впервые после тысячелетнего молчания западный голос звучит в православном литургическом хоре, впервые за тысячелетнюю историю Российской Церкви она вписывает в свою летопись такой великий Собор, как Московский Собор 1945 г. На нем присутствуют представители восьми автокефальных церквей, четыре Патриарха сослужат вместе: Папа Александрийский. Патриархи Антиохийский и Московский, Католикос Грузии. Первый Великий Московский Собор 1666 г. имел участниками только Патриархов Александрии и Антиохии; последние 200 лет соборный голос Церкви под давлением императорской власти умолк. Не могла она посылать и своих представителей на Восточные соборы. Впервые Патриарх Русской Церкви молился у Гроба Господня в 1945 г., и православные народы древних Апостольских Церквей впервые молились у себя с Московским Святителем.

Эти события будут вписаны крупными буквами в историю Хгистовой Церкви еще потому, что пред лицом мира снимается клеймо с Православия. Православие не есть только восточная форма христианства, один из типов христианского благочестия — оно имеет вселенское значение.

Если Церкви пришлось исторически временно свернуться в восточные границы, то это не значит, что такова ее природа. Ее всеобъемлющее сердце включает в себя всю вселенную, ее надмирный ум по природе не пленяется земными пределами. Можно временно нанести ей ущерб (1000 лет, как один день для дела Христова), но нельзя ее смертельно ранить. Это будут укусы змеи в ее пяту. Но Христос, ее Глава, сотрет со временем главу змеи. Указ 1937 года Святейшего Отца нашего Сергия (тогда еще Местоблюстителя), принявшего в лоно Православия западные группы христиан с сохранением их обрядов и традиций, открыл необъятные возможности для Православия на Западе, указал подлинный смысл рассеянию эмиграции — смысл не политический, а религиозный: нести миру Православие, проповедовать его во вселенском духе.*

Великий Московский Собор 1945 г., поездка Святейшего Патриарха Алексия, преодолев раскол, показали миру, что Православие не есть, как хотели представить его недоброжелатели, — группа разрозненных поместных Церквей, но единая неразделимая Церковь — единство в свободе, где единство столь же крепко и неразрывно, как свобода широка и подлинна. „В Троице, — учит Церковь, — одна воля и три лица". Этот совершенный догмат являет миру в наше время Православная Церковь. Этому догмату противостоит римский канонический империализм (одна воля, одна глава) и протестантский плюрализм (много воль, много церквей).

---

* О западном обряде в Православии будет в третьем номере журнала помещена специальная статья Д. Ф. Абрамцова.—Ред.

Дух империализма и плюрализма стал за последние века внедряться в Православное сознание. Ряд реформ и действий Церкви в Синодальный период, правда, под давлением государственноп власти, носили империалистический характер. Уничтожение в начале XIX века автокефали Грузинской Церкви и подчинение ее Святейшему Синоду во имя централизации, было явным нарушением Троичного Начала, посягательством на свободу поместных церквей. С другой стороны, Болгарская схизма (1872 г.), провозгласившая расово-националистический принцип деления Церкви вместо поместно-территориального, внесла в Православие плюрализм. Учение это, правда, осужденное всею Православною Церковью в том же году, не умерло, нашло себе сторонников и стало дробить Церковь, порождая все новые и новые расколы.

Московские Святители во главе с Патриархом Сергием, великим Отоцом Церкви, и его преемником Святейшим Патриархом Алексием нанесли смертельный удар этим двум новым заблуждениям. По инициативе Втогого Великого Московского Собора 1945 года Болгарская схизма была прекращена и тем в корне вырвана причина всех расколов, ликвидация которой наиалась быстрыми шагами. Московск. Собор может быть сравнен со Вторым Вселенским Собором (381), Святейший Сергий с Василием Великим: и тот и другой были примирители раздираемой схизмами Церкви, и тот и другой не дожили до завершения начатого ими дела, до их соборов; Второй Вселенский Собор был преодолением арианских смут, Второй Великий Московский Собор был преодолением расово-филитических смут; Арий разбил Троицу, филитизм разбил Церковь; Василий Великий проповедовал единство природы и воли в Трех Ипостасях, дело Святителя Сергия и его сотрудников было исповедовать единство канонической воли Вселенской Церкви с многоипостасностью, самостоятельностью поместных церквей.

В этом смысле братский мир между Русской и Грузинской автокефалиями, заключенный в период Собора, очень показателен.

В одном и том же государстве (СССР) две церкви — две сестры равночестно славят согласно Господа. Древняя, но малая по величине Грузия не унижена мощной, но более молодой Московской Патриархией. Какой прекрасный символ единства и свободы! Как это далеко и от горделивого империализма и от враждующего между собою плюрализма!

Подчеркиваем здесь очень важную подробность. Перед нами не две расово-националистические церкви, как того хотели реформаторы 1917 года, но две поместные церкви. Все русские приходы на территории Грузия в юрисдикции Католикоса, а грузинские на территории Московской Патриархии в юрисдикции Патриарха Московского. О каждой поместной Церкви можно сказать словами Апостола Павла: „Несть эллин или иудей, варвар или скиф, раб или свободь, но всяческая и во всех Христос"; о каждой поместной церкви можно сказать „католика" — соборна; но каждая отличается от другой своим поместным обликом и своими традициями.

Вселенскость Церкви Христовой переживается христианским сознанием двадцатого века по преимуществу, как тоска по единению всех христиан. Молитва Господа на Тайной последней Своей вечере перед Голгофой: „Отче, да будут все едины, как Мы едины, Ты во Мне и Я в Тебе", звучит с особой, неведомой в прошлом силой в сердцах верующих всех вероисповеданий. Не только миссия, но и единение всех верующих, екуминизм — такова характеристика нашей христианской эпохи.

В этом смысле прекрашение расколов, начатое и уже почти завершенное Московской Патриархией и ее святителями-миротворцами так велико, что весь православный мир с чувством глубокой благодарности должен день и нощь их благословлять и молить о них Господа, но особенно должны быть благодарны и мыслию и делом православные, рассеянные и иноверческих странах, где они призваны самим Промыслом свидетельствовать о свете и единстве и величии Православия. Поездка Блаженнейших Восточных Патриархов в Россию, Святейшего Патриарха Алексия на Восток и других русских Святителей в другие страны, единство в молитве и Чаше, единство в канонической воле — являет христианскому миру подлинное лицо Церкви.

Протоиерей Евграф Ковалевский.

Париж

В редакции журнала „Единая Церковь" можно приобретать книги:

1) №№ „Журнала Московской Патриархии" за 1946 г., а также оставшиеся №№ за предыдущие годы. Цена каждого № — 50ц.

2) № 1-й журнал „Единая Церковь" — 40 ц. с пересылкой 45 ц.

3) „Стрела", — рассказ С. Гусева-Оренбургского", — цена — 30 ц.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ЕПИСКОП ФЕОДОР

(К отъезду его в Южную Америку.)

Преосвященный Епиской Феодор выехал к месту своего служения, в Южную Америку, с центром — в г. Буенос-Айрес, в Аргентине.

Краткая история его жизни-такова. Родился он в г. Новочеркасске на Дону, в семье казака, чиновника Текучева. Среднее образование начал еще на родине, в Кадетском Корпусе. Но революция вынудила перевести это учебное заведение за границу, с начала близ Константинополя, а потом в Африку, вблизи Александрии; где английское правительство предоставило место и средства содержания. По расформировании этой школы, он, в члсле некоторых других кадет, попал во Францию, в качестве простого работника на фарме, по контракту. Во Франции, его хорошо узнал духовный отец, местный беженский священник, о. прот. И. Церетелли. К этому времени, т. е. летом 1925 г., в Париже организована была высшая духовная школа, Богословский Институт. Прот. Церетелли горячо рекомендовал туда юношу, как способного и благочестивого кандидата. Но по законам Франции, он сначала должен был отработать положенное по контракту время. И потому лишь в следующем 1926 г. был принят в Институт. Здесь, несмотря на свою молодость, он был избран товарищами старостою своего курса, а после и общестуденческим старостою. После успешного окончании трех курсов, он в числе лучших был еще оставлен на один год, в качестве стипендиата. Кандидатскую работу он писал на тему о Св. Григории Богослове Повидимому образ этого святого отца привлекал его и своим богословствованием и склонностью к внутренней, пустынической жизни. Димитрий Текучев никогда не увлекался мирскими удовольствиями. Внутри его души уже складывалось стремление к созерцательной, духовной жизни. А в это время в институте не было диакона, нужного для богослужений. И однажды к студентам было сделано обращение: неужели среди них не найдется никого, кто мог бы отдать себя в жертву на служение Церкви Божией? — Ответом было молчание. Но в тот же день общекурсовой староста, Димитрий Текучов, заявил начальству, что он, как старший по положению среди товарищей, обязан прежде всего предложить самого себя. И если будет разрешение и благословение, он готов сделаться диаконом без брака, а после пострижения в монашество. М. Евлогий с охотою благословил его на постриг, и при пострижении дал ему имя Феодор, в честь ученика преп. Сергия Радонежского.

По окончании образования, иеромонах Феодор скоро был назначен настоятелем беженского прихода в Виши. Но в это время начались отделения от Матери Церкви. М. Евлогий тоже подпал этому искушению. Но иеромонах Феодор остался верен церковному и монашескому послушанию; и присоединился одним из первых к оставшемуся верным Патриархии Трехсвятительскому приходу Патриаршей Церкви. Тяжкая была там жизнь: без средств, без работы, с небольшим количеством прихожан (началось с 30-40 чел.), он вместе с другими насельниками Патриаршего Подворья и голодал, и холодал. Но все терпел. Прожив так около пяти лет, он был вызван потом в Америку, где исполнял свои обязанности в Нью Иорке, в Сан Франциско, в Чикаго. Одно время жил пять месяцев в монастыре близ Портланда, чтобы укрепить там пошатнувшееся здоровье. В бытность в Чикаго, он получил сан архимандрита, а потом был хиротонисан и в сан епископа для Южной Америки, с титулом Аргентинский. В то время с разных мест Южной Америки просили Патриаршую Церковь назначить епископа от Матери-Церкви, для образования новых приходов. Но долго, около трех лет, не удавалось получить визы на въезд в Аргентину. И только этой зимой она была дана правительством. И Преосвященный Феодор, 10-го марта, выехал из Чикаго через Нью Орлеанс к своему месту служения.

Нелегко ему будет организовать Патриаршую Церковь там. Но он давно привык к послушанию и скорбям. И за это Бог ему поможет. Да и верные друзья есть. А мы здесь помолимся о нем и о Церкви-Матери.

Н. М. Б.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ

Московский и Всея Руси.

Как то недавно, после моего возвращения с поездки в Россию, на одной из моих лекций одним из слушателей был задан мне вопрос: „скажите, пожалуйста, каков человек-то нынешний Патриарх наш Алексий?" Желая определить характеристику Первосвятителя Русской Церкви, я высказался по манеру американскому, ответив коротко вот как: вы, лябезнейший слушатель, знаете, что понимают Американцы, когда по адресу человека говорят, что человек этот настоящий джентелмен! И вот, если вам желательно узнать от меня, как определю я личность нашего Патриарха, так умножьте дефиницию — джентелмен на много, много раз, и тогда предстанет пред вами фигура Святейшаго Патриарха Алексия во всей красоте величия его.

Конечно, такая дефиниция очень краткая, хотя, скажу, довольно сильна она. Но для того, чтобы более точно оформировать характеристику данной личности, в этом случае Патриарха Алексия, приходится коснуться хотя бы только некоторых деталей, на основании которых можно было бы вывести те заключения, которыя вполне удостоверяют и подтверждают высказанную вкратце характеристику о полном джентелменстве.

Было время, когда, как ни странно и ошибочно во многих случаях, человек классифицировался по одному масштабу, есть ли в нем „голубая кровь", что и достаточно было бы зачислить его по этому одному в числу „джентелменов". Ныне того рода классификация никак не выдерживает критики, ибо для того, чтобы войти в разряд настоящих джентелменов, необходимо делами доказать, что данная личность, прежде всего является АРИСТОКРАТОМ ДУХА! А ведь это нелегкая задача! Нынче полно людей, кто сами себя рады и прямо таки и зачисляют в разряд „аристократов", хотя бы по положению, по родству, по своего рода „педигри", как это чванчливо рассуждается многими. Но это куда не то. Очень часто будет блестить данная личность всеми этими педигри, но когда придется практически вынести окончательное суждение о той же линчости, приходится конец концов сказать, что куда куда присвоить данному лицу характеристику об его джентелменстве! Совершенно справедливо впрочем в нынешний век демократизма давать оценку человека не по шаблонному критериуму прошедших времен, с его остатками феодальных пережитков. Сегодня другия ставятся требования. АРИСТОКРАТИЗМ ДУХА, а не педигри, — обаятельная душа, а не напыщенность и искусственный манеризм, — ныне квалифицируют джентелменство.

Кто же такой наш Патриах Алексий?!

Да, — он Первосвятитель Русской Церкви. — Он же человек полной эрудиции, кончивший не только стаж юридический, но и Духовную Академию. — Сын он Сенатора Российской Империи, — дворянин по роду. — Ректор Семинарии, Викарный Епиской одной из старинных Епархий и затем Правящий Владыка как раз Епархии той, которая во всю историю сохранила отпечаток традиций ВЕЛИКОГО ГОСПОДИНА НОВГОРОДА и его демократизма. — Наш Первосвятитель затем — Митрополит Ленинграда, того самого Ленинграда, который вошел уже в историю не только тем, что ему суждено было основателем его, Великим Петром, стать „вырубленным окном в Европу", — но больше того, предназначено было ему выдержать страшнейший напор неистового врага и заслужить для себя достоинейшее наименование города-героя. В особенности важный для характеристики нашего Патриарха вот этот именно эпизод с его жизни: пребывание его на посту Ленинградского Архипастыря за все время осады его немецкими гитлеровскими наездниками. Ленинградский Владыка не бросал и не бросил свою паству, и оставался вместе с ней, подвергаясь постоянным опасностям от разрыва снарядов, безпрерывной бомбардировки да наконец и тяготевшей над населением геройски защищаемого и несдавшегося героя города ежедневной угрозы страдальческой смерти от голода и холода, косивших людей не ежедневно, а ежеминутно. Как добрый пастырь поверенного ему стада, Ленинградский Владыка своим примером ободрял народ и находил время для того, чтобы выступлениями своими лично или через послания архипастырские внушать веру народу терпеть и вытерпеть до конца, пока наконец заломится вражеская сила и восторжествует богатырская мощь Руси. — Находилось времени достаточно и на то митрополиту Ленинградскому, чтобы организовать помощь для фронта. Как и что ни говорили бы нынешние противники патриархии, а факт история уже отметила и оставит в назидание грядущим поколеньям, что и из чуть влачущаго свою многострадальную жизнь осажденного Ленинграда шли сборы на все новые танки

и орудия, сооружаемые и посылаемые на фронт на жертвы добровольныя мучеников Ленинграда. — После этого можно понять эти доверие и любовь, с какими и по сию пору относится весь Ленинград к своему добрейшему Владыке, небросившему своего народа в пору ужаснейших страданий и вместе выдержавшему всю облогу и дождавшемуся освобождения родного города и триумфа русской доблести.

Уже в этом можно видеть и сознать благородство души человека-джентелмена. Ведь если бы он думал так, как решили другие пастыри, он мог бы был бросить все на произвол судьбы, мог был „отереть прах от ног своих". Но чистота убеждений и душевныя качества и человека-патриота и человека-слуги Божьяго не могли разрешить будущему Патриарху стать на путь не-джентелмена. Джентелменом в полном смысле слова он был с самого начала, таковым остался в тяжелые дни осады своего города, таковым он и сегодня является, когда Провидение Божье определило стать ему наследником своего Учителя, предшественника, которого все чтущие покойного Патриарха Сергия не иначе называют и ныне, как только „наш дедушка".

Величие Патриарха Алексия в его аристократизме духа! Красота характера его в истинном джентелменстве!

. . . В Россию я отправился паломником! И помню я, с каким душевным трепетом я приближался к Петровому городу-герою. Достоин ли я буду, — так призадумывался я порою, — ступить моими ногами на ту освященную землю, где каждая руина, каждая развалина и рана только о том говорят немыми языками, сколько пришлось принести жертвы защитникам своего земного уголка. Только тот может понять меня, в том я уверен, с каким настроением приподнятым и торжественно вдохновенным встречает человек землю праведную, очутившись в ней в первый раз после долгих, долгих лет вдали от ней! И так я в первый раз в жизни должен был вступить в Ленинград, в Москву, а Киев навестить второй раз после чуть не полвекового отстутствия! Можно и вообразить себе, что я чувствовал, что вот придется мне, как Представителю Церкви Патриаршей в Америке, с Докладом явиться пред Патриархом, которого я не видел в жизни и слышал только о нем как о человеке обоятельном, ласковом. Едучи из Стокгольма пароходом в Финляндию, и затем из Финляндии проезжая вдоль ея берегов, с безконечными свидетельствами упорных боев, я и составлял себе план моей первой встречи с Патриархом в Москве. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Вместо Москвы, я в Ленинграде сразу же имел возможность познакомиться с Святейшим Патриархом. Да, и в какой обстановке!

Вечерело уже, хотя еще довольно светло было, когда причалил мой поезд на вокзал Ленинградский. Засуетился я, как это всегда бывает с приездом до конечной станции и особенно, когда приезжаешь в незнаковый город, Но не успел я спохватиться, что остановился уже поезд и пассажиры начинают подходить к выходу, как вдруг в мой вагон входят члены депутации, делегированной местным митрополитом и представителем Государства встретить меня и отвезти в заготовленную гостинницу. Тут же получаю я первый привет и приглашение Патриарха, ожидающего меня в Митрополичьем Соборе, где назначено Патриаршее Всенощное Служение. Подана мне Митрополичья машина и я с членами делегации отправляюсь на встречу с Первосвятителем. С необыкновенной лаской Патриарх здоровится со мной в Алтаре, спрашивает затем, не устал ли я слишком с дороги, и затем просит меня к участию в торжественном Патриаршем служении. Молящихся в Соборе множество. Хор Митрополичий поет чудесно. Величие Патриаршего служения необыкновенно. Трепетом благоговения тронула меня вся торжественная обстановка служения. И вдруг с ласковым взглядом просит меня сам Святейший заменить его в чине помазания освященным за Литией елеем толп народа, подходящего за благословением.

Прошло торжество и гостеприимный хозяин приглашает меня от имени Патриарха к столу и ужину. Разговоры самые сердечные. Патриарх интересуется моей поездкой, распрашивает об американской церкви. Под конец обращается ко мне с предложением сослужить ему завтра в торжественном акте открытия богословской академии и Патриаршей Литургии в академическом храме. Служим втроем: Патриарх, Митрополит Григорий и я. Академию открывает сам Святейший и затем предоставляет мне слово высказать наши пожелания новой академии от имени Американской Русской Церкви . . . Опять торжественная минута: впервые я, гость из далекой Америки, имею счастье быть участником великого акта открытия высшего учебного богословского института. И доволен Святейший, — вижу по его доброй улыбке, — что я, гость из Америки, мог быть свидетелем того, как „преследуется вера в России и как в России одно безверие церствует и Церковь не смеет будта иметь свободы". Среди присутствующих профессоров Академии вижу и симпатичнейшего ректора, о. Богоявленского и др. преподавателей-профессоров, — вижу необыкновенно энергичного старика 75 лет, или даже больше

того, Митрополита Григория Ленинградского, виновника торжества открытия Академии, — смотрю на массу гостей, собравшихся на открытие Академии, — а тут и студенты разного возраста, будущие образованные пастыри. — А вот и Представитель Гражданской Власти, почетный гость на торжестве, приветствует теплым словом и Патриарха и маститого Митрополита и студентов, с открытием высшей школы богословской, и в своем слове он уверяет, что Правительство очень довольно той энергией организаторских трудов и самого Патриарха и старика Митрополита, потрудившихся ревностно при открытии школы, да и что это не последняя будет школа высшего типа, т. к. впереди еще много будет того рода торжеств открытия новых и новых школ богословских в России.

— „А вы то, Преосвященнейший, — говорит Патриарх, — не выезжайте еще из Ленинграда в Москву. Подождите, пожалуйста, к среде, и вместе поедем". Может ли быть что нибудь приятнее, — подумал я себе, — когда сразу же замечаешь такое ласковое с тобой обращение! Тут я и с самого первого момента вынес впечатление, что действительно наш Патриарх Алексий — человек высококультурный, умный, энергичный, понимающий евое высокое положение, и . . . джентелмен в полном смысле слова. Впрочем, пребывание мое затем в Москве и ежедневное посещение Его Святейшства в Патриархии убедило меня в одном, что Провидением Божьим послан Русской Церкви человек-джентелмен, которого роль в стране нашей окажется исторической.

Можно было бы написать куда больше уже мною здесь написанного. Но мне хотелось бы привести одну, т. ск., мелочь, но до того она интересная и свидетельствующая о тактовности и доброте нашего Патриарха, что считаю необходимостью воспользоваться приведением ея на этом месте, чтобы тем выпуклее отметить его характеристику.

Я всегда приглашался Святейшим к его столу на обеды, ужины. Да и не я один только. Всегда приглашаются к гостинному столу посетители архиереи и близкие ему люди-помощники. И не мог я не отметить вот чего. С нами за столом садовился всегда и молодой 15-16 лет юноша, он же посощник у Святейшего и его крестный сын, симпатичный и скромный молодой человек. Казалось бы, ну и что же в том так интересного? Нет, — простите, — я сразу же возражу. Не только это интересно, но, что больше, важно, как свидетельствующий о том факт, что наш Святейший, невзырая на высокое положение Патриарха всея Руси, до того высок в своем „аристократизме духа", что и мальчика к своему столу Патриаршему допускает, видя в нем именно ЧЕЛОВЕКА, которому суждено когда то будет занять место нас, приближающихся к исходу наших дней. Как после таких, допускаю выражение, „мелочей", можно не сказать, что велик наш Патриарх своей добротой и истинным демократизмом! Разве неизвестно нам всем, что равный нашему Патриарху по сану Патриарх Рима — папа, за обедом сидит отдельно от всех, даже от кардиналов.

Да, — наш Патриарх велик смирением, лаской своей, умом. Он и Первосвятитель Русской Земли, и Патриот Русский. В историю он Церкви вошел уже и „сказания в летописи незакончены еще". Престиж его ростет с каждым днем. И под мудрым водительством Святейшего Патриарха Алексия ростет в авторитет „третий Рим", Престол Патриарха Московского в Москве, коей и предречено быть третьим и последним Римом!

Вот, и моих пару слов о том, кто такой наш Патриарх! Написал б. м. много, как полагается для журнальной статьи, на и написал я только маленький эскиз с того, о чем мог бы сказать куда куда больше и аккуратнее. Но и того, думаю, достаточно, т. к. со сказанного здесь можно согласиться с той характеристикой, какой я отвечал спрашивавшему меня на лекции земляку: скажите, пожалуйста, кто такой наш Патриарх Алексий?, — и пояснял я ему тем, что выразился коротко и ясно: умножите понятие термина: джентелмен, — в тысячу раз, и пред вами встанет во всей красоте величия наш Патриарх Московский и всея Руси, Святейший Алексий!

Адам, Архиепископ Филаделфийский и Карпаторусский.

ОТ ЖУРНАЛА „ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ"

Поступили пожертвования в фонд журнала: от прихожан Св. Николаевского Собора в Н. И. (7 января) 70 д. 31ц.; — от Русского Независимого Братства при Кафедральном Соборе в Н. И. 5 долл.; г. Заверухи 5 долл.; от г. Дежурко 1 долл.; от г-же Кулибиной 1 долл.; от неизвестной 5 долл.; от Н. В. Штембер 10 долл.; от священнике Оленды 5 долл.; от Н. Рут 5 долл.; от г. Морза 3 долл.; от г. Дежурка еще 2 долл.; от неизвестного 1 долл.

Редакция журнала „Единая Церковь" приносит глубокую благодарность всем жертвователям на дело духовного объединения и просвещения русского народа в Америке.

ДРЕВНЕ-РУССКОЕ ИСКУССТВО

Древнее искусство на Руси, на протяжении многих веков, выработало ряд глубоких богословских мыслей и претворило их в высокие по качеству живописные образцы при помощи архитектуры, мозаики, фресок и икон, опоэтизировав исповедание веры и придав ей глубокую силу и жизненность Художник и поэт шли вместе в творчестве искании новых форм и в этом горении им помогала глубокая народная вера, раздувавшая этот священный огонь, благодаря которому эти древние памятники русской духовной культуры сохранились до наших дней.

До конца прошлого века древне-русская живопись оставалась совершенно неизследованной. Было несколько трудов: Буслаева, Сахарова, Ровинского, посвященных иконописи. В этих трудах подход был чисто палеографический; памятники, не имеющие даты не входили, как экспонаты в эти труды. Систематическое изучение памятников русской старины началось только около тридцати лет тому назад, с появлением научных работ Н. П. Кондакова, Н. П. Лихачева, Н. В. Покровского, Остроухова и Рябушинского. Одинадцатый орхеологический с'езд в Новгороде перед первой войной и Остроуховская выставка, впервые показали миру древне-русскую стенную живопись. По просьбе Проф. Ф. С. Ольденбурга Академия Наук дала указание найти для показа иконы, которые могли бы свидетельствовать о пережитках язычества на Руси. Для этого была создана экспедиция московских реставрационных мастерских в Новгород, Псков и северные провинции. Благодаря русской археологии до нас дошли редкие по качеству высокого мастерства образцы. Они были открыты по церквам России под спудом штукатурки, лака, копоти и изуродованной реставрации. Если бы эти расписи были открыты в 19-ом веке, тогда они не сохранились бы вовсе по той причине, что в поисках древняго слоя живописи были бы уничтожены промежуточные эпохи, они были бы смыты вместе с копотью, лаком и штукатуркой. Современные научные методы реставрации дают возможность востанавливать на образцах древней живописи наиболее ценный слой, обнажая частично и другие слои краски для показа эпохи. Стенные росписи и иконы переписывались порой по шесть, семь раз, при чем один слой краски наносился на другой. Реставрация древняго слоя стала возможной благодаря рентгену и ультра-фиолетовым лучам, устанавливающим сколько переписей было сделано на том, или ином образце, а так же состав материала, которым пользовались древние мастера кисти.

Художники-иконописцы были подчинены живописным канонам и установлениям, что накладывало своеобразный отпечаток шаблона на их работу и это тормозило развитие иконописного искусства. Все же художники более одаренные не следовали установленным правилам и в процессе работы находили новые творческие пути, их личные качества влияли на изображение икон так, что они вносили новый стиль, рисунок, трактовку композиции, хотя и должны были придерживаться так называемых „иконописных подлинников", под этим подразумевался альбом прорисей с древнейших изображений, созданных различными мастерами страны в разных ее концах, для сличений изображений, которые делились в свою очередь на „лицевые" и „толковые". Лицевыми назывались прориси, контурные образцы, а толковыми считались те, что давали подробное описание святых по внешности, одежде, возрасту и т. д. Эти подлинники тормозили, как я уже сказал выше, развитие живописного искусства и только талантливые мастера выходили за рамки этих подлинников. Для наблюдения над иконописцами существовавло монастырское начальство, тем более, что иконы писались по монастырям монахами, но с ростом Московск. государства увеличивался и спрос на иконы и иконописью стали заниматься миряне. Естественно наблюдать за иконописцами мирянами стало трудным и почти невозможным делом. В 17-ом веке появились так называемые „жалованные" иконописцы, объединенные вокруг Московской Оружейной Палаты, которая стала центром художественных направлений, своего рода учебной „Академией". В старину иконы писались только на досках, материалом служила липа, кипарис, сосна. Проклеивая доску столярным клеем, наносился грунт «левкас». Для рисунка брали «прописи» с известных образцов иными словами, калька, с нанесенным на нее рисунком в виде маленьких дырочек по контурам, припудривалась углем и таким образом рисунок переносился на доску. Краски разводились на воде, хлебном квасе с прибавлением яичного желтка. Иконописцы разбивались на группы по специальности; одни писали лики, другие фон и одежду. В 14-ом веке самым выдающимся живописцом был Феофан Грек, прибывший из Византии на Русь уже законченным художником, много потрудившимся за границей

по украшению церквей. В письме писателя и художника того времени Епифания Премудрого к св. Кириллу Белозерскому читаем; „Когда я проживал в Москве, жил там один человек, славный мудрец и весьма хитрый философ, Феофан Грек, мастер по росписи книг и изящной живописи, среди иконописцев которого, много различных церквей расписал своей рукой по городам — в Константинополе, Халкидоне, в Галате, Кафе, в Великом Новгороде, в Нижнем. Когда же он все это рисовал и писал, никто не видел, чтобы он смотрел на образцы, как это делают наши иконописцы, которые полны недоумения, все время нагибаются, глазами бегают туда и сюда, ни столько работают красками, сколько принуждены постоянно смотреть на образец, но кажется, что другой кто то пишет руками, когда Феофан Грек создает образы, так как он не стоит спокойно: языком беседует с приходящими, умом же размышляет о постороннем и разумном: так он своими разумными, чувственными очами видит все разумное и доброе". Произведения Феофана Грека поражают своей оригинальностью, они далеки от установившихся канонизированных иконописных подлинников. Его темперамент подчас пламенный и бурный захлестывает рамки канонизированных образцов древней живописи.

В творческом полете его кисть и воображение создают новые формы композиции и рисунка, а так же цветопостроение. Работая в Кафе т. е. в нынешней Феодоссии, посещаемой Новгородцами по торговым делам Феофан Грек попадает через них в Новгород и там его оценивают, как величайшего живописца, благодаря высокой живописной культуре того времени — „Господина Великого Новгорода". И так Феофан Грек писал по своему разумению, не копирую с образцов, а его гениальный ученик Андрей Рублев, — работы которого стали подлинниками для других иконописцев. Иван 4-ый, создавая Стоглавый Собор в Москве в 1551-ом году, повелел иконописцам писать так, как писал Андрей Рублев. Приглашенные иконописцы из Новгорода и Пскова тоже создали целый ряд новых икон, не придерживаясь старых образцов. Раздавались протесты против этих икон, они мол „писаны без свидетельства" по „собственному мудрованию", что вызывало в народе смущение. Потребовалось созвать специальный собор в 1554-ог году, на котором была признана законность и чистота новых икон. Таким образом Новгород и Псков, осуществляя новые задачи в живописи, испытывая влияние Запада, вносили новую струю, в результате чего и создалась Новгородская иконописная школа, она заключалась в отходе от Византийских образцов ближе к средневековой Европе с ее ранним Ренессансом, на которую с надеждой взирал Иван Грозный, желая сближения с ней. Новгородская республика в простых и чистых линиях красками, цвета русских полей и голубого неба, сотворила на иконах и стенных росписях свой особый стиль, который заключался в следующем; овальные лица, большие орбиты глаз, волосы, как бы отделены и калиграфически спадают на лоб. Драпри, одеяния — прямыми линиями в складках падают изгибаясь стрелками. Краска светлая, охра до шеколадно-фиолетового цвета. Фигуры почти плоския, однообразные, несколько вытянутые, иногда в яйцевидную форму, красиво вплетаются в общую композицию, на фоне бледных тонов золота, белил, с употреблением охры и глубокого красного цвета.

Сохранилось очень мало работ Феофана Грека. В летописи упоминается о работах его в церкви Спаса в Новгороде 1378-ой год. Во второй раз упоминается о работах его в Церкви Рождество Богородицы в Москве, где он росписывал со своими учениками вместе с Симеоном Черным 1395 г. В 3-й раз он учавствовал в росписях Московского Архангельского Собора 1399 г. и Московском Благовещенском Соборе, где работал вместе с Андреем Рублевым 1405 г.

Манера письма Феофана Грека заключалась в обобщениях отсутствие деталей. Сильными ударами кисти, он как творец преображает чувства и образы в осязаемые формы и резкие линия. Яркий свет и тени, почти как резцом скульптора, отделяет он одну форму от другой. На первый взгляд его живопись может показаться угловатой, но это только неопытному глазу. На фресках Новгородских церквей; Федора Стратилата, Успения на Волотовом Поле и Спаса Преображения, гениальный мастер создал неимеющие себе равных образцы живописного творчества: Святой Макарий Египетский, праотец Ной, Авель и др. переданы с титанической мощью с чистейшим живописным качеством. Реалистический подход творчества Ф. Грека вдохнул новую жизнь в иконотворчество на Руси и вызвал к жизни гениальнейшего ученика Андрея Рублева.

Работы Феофана Грека проникнуты духовно человеческим трагедийным началом, тогда как работы Рублева и его школы полны скорей человеческой любовью, душевной гармонией, уводя в сторону мира любви и вечной красоты, несущей спасение измученой человеческой душе от сознания своей греховности. Манера письма на иконах и стенных росписях чрезвычайно сходны у Феофана Грека. Обычно станковая живопись заставляет художника разрешать живописные зада-

чи в другой манере и трактовке, нежели на стенных росписях, благодаря разности материала, пространства, как скульптор трактует по разному формы и линии — в глине, мраморе, дереве и металле. У Феофана Грека эти два рода живописных дисциплин тесно соприкасаются и это особенно заметно на иконе Преображения.

Из смешений стилей Византии и средневековой готики, родилась новая школа Московская в 17в. в допетровской Руси, в царствование Михаила Феодоровича. Характерная особенность этой школы; четкая, жесткая в линиях, глубокие, темные и ярко-светлые краски, живопись графична, продолговатые фигуры, как у Новгородской школы. Обилие золота. Интересна докладная записка к царю Алексею Михайловичу писателя, проповедника, ученого и поэта Симеона Полоцкого о состоянии иконописного дела в те времена. Он говорит; существуют мастера „художеству непричастные, работающи без заботы о истинном начертании ничтоже блюдущие во оном художестве божественные честию точию себе и считают, дабы чрево свое питати". Эта продукция находит большой спрос, „торговцы по заглушным уездным местам на торжках и по деревням те образа возами развозят, безовсякой чести на все, елико могут, промен творят, зазор своей ни во что вменях и во окрестные государства развозят." Симеон Полоцкий называет их „мазарями", наполняющие этими иконами дома простаков". От неискусных, беззазорных иконописцев многое неистовство обретается на иконах". Симеон Полоцкий объясняет это желанием приобретать иконы ценой подешевле. Покупатель интересуется не художественным исполнением образа и это по его мнению мешает работе искусных мастеров. Работа Симеона Полоцкого была принята за основу специального постановления Великого Московского Собора 1666-7 г., посвященного иконописи. Соборное постановление направлено было на улучшение социального положения иконописцев, ставя это искусство наравне с искусством книжного писания. „Икон святых писателие тщательные и честные яко истиннии церковницы, церковного благолепия художницы да почтутся, всем прочим председание художником да восприимут и кисть различно цветно употребленнии тростью или пером писателем да предравенствуют; достойно бо есть от всех почитаемые хитрости художником почитаемым быти". Так же изограф Иосиф Владимиров написал книгу о состоянии русской живописи. В ней он смело возражает тем, кто считает, что фигуры святых на иконах должны быть тощи и черны. „Где таково указание изобрели несмысленные спорщики, которые одною формою смугло и темновидно святых лица повелевают? Весь ли род человеческий и во едино обличие создан? Все ли святые смуглы и тощи были? Если и имели они умерщвленные члены здесь на земле, то там; на небесах оживотворены и просвещены явились они своими душами и телесами. Кто из благомыслящих не посмеется тому юродству, будто бы темноту и мрак паче света предпочитать следует? Преславная Великомученица Екатерина по красоте и светлости лица своего так и названа была от Еллинов — тезоименитая небесной луне."

Интересно отметить, как отражались большие политические события иконописцами. Татарское нашествие, борьба с иноплеменниками, междуусобицы, нашли свое отражение на иконах и росписях, их можно проследить особенно на древне-русских миниатюрах (см. древне-русская миниатюра Г. Георгиевский и М. Владимиров, изд. Академия Москва 1934 г.) Целый ряд миниатюр отображают русскую национальную жизнь, как: Дмитрий Донской в походе против хана Мамая, Куликовская битва, Рождение и жизнь Св. Сергия Радонежского. Княжение Ивана Калиты, путешествие Св. Стефана Пермского в Москву и др. Не только отражены события, но на них видно влияние технических приемов в передаче рисунка и формы. От персов и татар на иконах и церковных росписях остались завитушки в облаках, что было принято, как канон в древне китайской и персидской живописи и особенно в Московско-Суздальской школе, которая по мягкости и живописности формы идет от Рублевского стиля, волосы так же, как и на иконах Новгородских — калиграфичны, облака орнаментальны, линии мягки, воздушные нет резкой графичности в живописи, как у Новгородской, цвета глубокие, как в темных, так и в светлых красках, большое разнообразие ярко-красных, зеленых тонов, мазок дробный.

Иконопись, помимо художественной эстетической ценности, представляет богатейший материал для изучения русского прошлого. Благодаря пришедшим на Русь мастерам „из иные земли", было положено начало древнерусской живописи. За ними пошли другие и при татарах узнаем из летописи, что 60 живописцев русских ушли в разные стороны; в Польшу, где работали в храмах и в Золотую Орду. Лаврентьевская летопись 1194 г. отмечает, что Всеволоду Большое Гнездо уже не пришлось искать мастеров „от немцев" для украшений, но „налезе мастеры от клеврет святое Богородицы и от своих". Позднее в 18в. в Россию снова явились мастера строители „из иные земли", то были Фальконе, Растрелли, Кваренги, Томан и Тонги. От

обмена культурными силами искусство не снизилось, а наоборот возвеличилось, получило новую силу и пошло к своему возрождению.

В заключение нам хочется сказать, что у художника-творца постоянно одна неизменная задача; творить новые формы, открывать новые пути, задачи в композиции и красочных построений, ибо каждое отдельное задание диктует новую форму и новое понимание красоты.

Иосиф Левин.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ДУША

(Рассказ)

Глубокою ночью свиридовский дьякон внезапно проснулся и не мог больше уснуть. Он лежал с открытыми глазами, смотрел в темноту и вспоминал вчерашнее веселье у батюшки. Все было, как полалгается: выпивали, шутили, пели, ели именинный пирог, игарли в карты. По просьбе девиц дьякон брянчал на гитаре польки и кадрили, девицы топали, кружились, летали по маленькой зале. Как-то незаметно потом затеялся серьезный разговор о смерти и о душе. И разговор так запомнился дьякону, что и сейчас будто звучали в нем два голоса: один — его собственный недоумевающий голос, другой — батюшкин насмешливый и быстрый говорок. Из слов батюшки выходило как-то так, что человек — пузырь: поживет-поживет, да лопнет, один прах останется. На это дьякон витиевато возражал, что ежели бренное тело и сгниет, то душа будет жить во веки. Тут-то батюшка, с козлиным смешком, и сказал, подмигивая.

— А ты уверен, дьякон, что она у тебя есть?

— Кто?!

— Душа-то?

При этом батюшка похлопал дьякона по животу, на что дьякон всегда обижался, но теперь даже не обратил вниманья: слова батюшки привели его в недоумение, потому-что он никогда не задумывался над тем, есть-ли у него душа, а пологал, что душа есть у каждого человека, только у животных вместо души — пар.

Он это и высказал батюшке.

— Господь изначала вдунул в человека живую и бессмертную душу.

Но батюшка самым серьезным тоном спросил.

— А ты знаешь, дьякон, чем ад топится?

— Чем? — слегка даже испугался дьякон.

— То-то!

И батюшка опять засмеялся и опять хотел похлопать дьякона по животу, но дьякон отступил и сердито сказал:

— Объясните . . . чего-же слова даром выпускать!

Тогда батюшка пространно стал объяснять дьякону своим козлиным говорком, что душа есть частица Духа Божия: она не может быть темна, но во тьме светит. Таковы души людей евятых и праведных: божественное пламя их душ, отразившись в подвигах их жизни, дает свет миру и тепло людям . . . и не умирает. Души-же остальных людей — головешки: не светят, не греют, а только воняют да чадят.

И батюшка опять смеялся.

— И вот ими-то ад и топиться!

Теперь, бессонно смотря в темноту и вспоминая от слова до слова разговор, дьякон первый раз в жизни будто глянул на себя откуда-то со стороны, — он даже слегка потрогал себя за бока и шумно вздохнул.

— Туша . . . эх, туша! Неужто-ж в тебе головешка вставлена?

Мысли его убежали к началу его дней, причем он все время смотрел на себя со стороны. Вот он в семинарии, ходит по длинному корридору и зубрит какое-то книги, которые давно уже забыл. Как в тумане он видит лицо свое, будто чужое: пухленькое как у девочки, румяное и наивное. Вот отец взял его из семинарии и везет к соседнему псаломщику сватать невесту, которой он никогда не видал. Вот он на первом приходе дьячком, а вот уж и дьяконом . . . ходит по селу такой веселый, голосистый, шутник и забавник. Он видит себя: грудастый, кудрявый . . . даже слышит свой голос.

— Го-го-о . . . насыпай-ка пшеницы-то полней, молиться за тебя веселее буду!

И дьякону как-то странно, что это — он, этот голосистый, кудрявый, но чужой ему человек. Вспоминая, как сбежала от него дьяконица с учителем, как ездил он за нею в губернский город, стоял перед нею на коленях и умолял не обездоливать детей, и как потом пил и быстро старился, — он находил теперешняго человека, поседевшаго раньше срока и слегка опухшаго от частых запоев, более близким себе и понятным, но

все еще смотрел на себя со стороны.

И вдруг он сказал вслух.

— Да ведь это я-же все . . . я!

Тут внезапно его поразила одна мысль.

Всю жизнь он делал только то, что его заставляли. Заставили учиться, заставили жениться, сказали, что надо в дьякона идти... Ведь больше и некуда было, да он и не думал ни о чем другом: все шло помимо него. И дальше все пошло, как заведенная машина. Надо было по приходу ходить, надо было пшеницу собирать, надо было амбары для нея строить . . . потом детей учить. Надо было за дьяконицей ехать и умолять ее вернуться, — и сделал он это опять-таки потому, что надо было. Надо, надо . . . надо то, надо это, — так все и кричало ему в жизни.

А теперь он спрашивал себя

— Да что-же я по своей-то воле делал?

Неожиданно для тебя он густо проговорил.

— Пи-и-ил!

Дьяконица безпокойно пошевелилась на соседней кровати, но не проснулась, а дьякон продолжал думать, что вот это он единственное делал, что не надо. Только это и было его „свое". А кому он по своей воле светил? Кого грел? Что он в своей жизни сделал такое, — не чужое, свое, — в чем-бы душу свою увидал . . . живую душу свою?

И не знал!

Тут его охватила тоска, — старая, знакомая, — но тепрь обвеянная неожиданными мыслями, что голова его затуманилась и мысли провалились в какую-то пустоту. Он забылся тяжелым сном . . . и ему снилось, что он корчится, шипит и чадит, как головешка, хочет крикнуть кого-то на помощь себе, и не может. Внезапно громкий, отчетливый, повелительный голос спросил его.

— Кое добро, человече, сотворил ты в жизни своей?

Дьякон заплакал, застонал . . .

И проснулся.

В окна смотрело хмурое осеннее утро.

Дьяконица уже бренчала чашками в соседней комнате и, заглянув в дверь, сказала сердито и отрывисто:

— Будет валяться-то . . . чай готов.

И еще дьякон слышал, как она проворчала.

— Бо-о-ров!

Дьяконица была маленькая, пухлая, еще очень моложавая, но с холодным, неприятным взглядом и нервными губами, которые вздрагивали и шевелились, прежде чем сквозь них проходило злое слове, острое как укол иглы. Видно было, что она не выносит дьякона. Каждый жест его раздражал ее. Было и еще многое на свете, чего она не любила: не любила деревни, не любила мужиков, не любила осенняго ненастья и слякоти улиц. Зато любила вспоминать о городе, о городских скверах с оркестрами и о том, как там чинно и в каких нарядах ходят люди.

Когда дьякон вышел к чаю, она коротко спросила:

— С молоком?

Дьякон вздохнул и сказал, глядя в окно:

— Да.

Больше они ни о чем не говорили.

Дьякон молча пил чай, курил и смотрел на тучи, медленно и низко двигавшияся по небу все в одну сторону. „И люди так-же, — размышлял он, — идут, идут, помрут . . . а за ними другие". Старая тоска укреплялась в нем, но теперь она была окрашена новыми мыслями. Ненужной представлялась ему собственная жизнь. Ведь не по своей воле он жил, а . . . как вот эти тучи: бегут, бегут, потому-что их гонит ветер. Вот и дьяконица . . . сидит, сидит с злыми мыслями, восемнадцать лет сидит рядом с ним, потому-что поступила — как надо, а не по собственной воле. И черна душа ея от злобы, как чадящая головня! Он как-то враз понял ее, с ея мыслями, с ея злыми словами. Сквозь острую тоску внезапно проступила жалость и нежность. Он медленно перевел на нее взгляд и первый раз за долгие годы улыбнулся ей.

— Варвара!

Она искоса настороженно взглянула на него.

— Сеньку мы, Варвара, в училище отправили, — говорил дьякон, продолжая, с какою-то задумчивой лаской смотреть на дьяконицу, Александр скоро семинарию кончит, уж большой. Дочку мы, Господь помог, пристроили . . .

— Ну? — сухо сказала дьяконица.

— Ты-бы, может, в город поехала . . . к своим?

Дьяконица вся залилась острым румянцем, в глазах ея вспыхнуло злое удивление, а губы нервно зашевелились.

— Гонишь . . . что-ли?

— Зачем . . . не то!

Он постучал себе по груди пальцем.

— Головешки в нас . . . восемнадцать лет . . . чадят.

И встал.

—Не надо больше!

И так как она удивленно молчала, он взял шляпу и пошел из комнаты, тяжело ступая как больной. А дьяконица со сторожким недоумением смотрела ему вслед и даже выглянула в окно: куда это он пошел? Он шел прямо по улице, медленно, и слегка согнувшись, как человек глубоко задумавшийся.

И дьяконица решила.

— Запьет скоро.

Но она не угадала.

Дьякон пришел к поповскому дому, за-

глянул во двор и увидел батюшку за хозяйственным занятием: он гонялся по двору за сорвавшейся с-привязи собакой. Собаке очень не хотелось на-привязь и она пряталась от батюшки, куда только могла.

— Не ходи, дьякон, — крикнул батюшка, — Туманка искусает.

И он манил Туманку ласковыми посулами.

— Мясца, на-на мясца, Туманка . . . иси!

Но когда Туманка поддалась соблазну, он накинул на нее веревку, очень хозяйственно поучил ее, потом привязал и тогда уж бросил ей мясца. А дьякон хмуро наблюдал за этой сценой и думал, что вот Туманке тоже „надо" сидеть на цепи и караулить двор хозяйский . . .

— Что скажешь, дьякон? — повернулся к нему батюшка.

Дьякон не спеша подошел к нему очень близко и проговорил таинственно:

— По очень важному делу, о. Леонид, хочу поговорить с вами.

— Какому делу?

— Душевному.

Батюшка не понял, пожал плечами, повел дьякона в кабинет, указал на стул, сел сам и сказал.

— Рассказывай.

Дьякон шумно вздохнул, внимательно взглянул в лицо, о. Леонида своими черными глазами и густо проговорил:

— Как надо жить?

Батюшка весело засмеялся.

— Что тебя за муха такая сегодня укусила, дьякон? Али все еще похмелье не прошло? Поднести, что-ли?

— Я в сурьез разговариваю! — гневно вскричал дьякон.

И вспыхнул.

Батюшка очень удивился и тотчас-же сделался серьезным.

— Ну, что я на это тебе, дьякон, скажу? Я и сам не знаю. Конечно, надо жить так, чтобы . . . все по-хорошему было. Соблюдай службу свою, исполняй правила, за хозяйством внимательно следи, а остальное предоставь Богу. Детей также воспитывай в страхе Божием . . . Вот и все. Словом, исполняй долг свой, ибо небрежение долгом приводит к печалям многим. А долг свой исполнишь, — сыт и пьян будешь. Вон Туманка должна на цепи сидеть, а ей все на волю хочется. За то и наказуется. А долг свой исполняет, — мясцо получает.

И батюшка принялся смеяться.

— А мясцо-то нынче дорого!

Дьякон смотрел хмуро.

— Я не про то, — сказал он, — пес на цепи сидит и живет по-земному, так ему Бог указал. А люди живут: кои по-земному, кои по-небесному. Я и хочу знать: как по-Божьему жить?

Батюшка с удивленным вниманием искоса всматривался в дьякона и неудомевал, что с ним такое. Но вид у дьякона был такой решительный и серьезный, что батюшка оставил свой шутливый тон и тихо заговорил.

— По-Божьему-то, по-настоящему Божьему, только святые могут жить, а у нас, грешников, на это и сил не хватит. Нам-бы только закон-то соблюдать, и то хорошо. Заповеди, например . . . Ведь знаешь ты заповеди-то?

— Знаю.

— Соблюдаешь?

— Где мне в это вникать?

— Ну, чти отца твоего и матерь твою, например, сказано . . .

— Чтил, пока были . . . а теперь где-ж их взять?

— Не пожелай жены ближняго своего, ни села его, ни вола его . . .

— Зачем мне?

— Не укради!

— Не случалось . . . да и не стал-бы.

— Непрелюбы сотвори.

Дьякон уныло усмехнулся.

— Никогда не в мыслях не было.

— Тогда исполни совет Христа иноше: раздаждь имение твое . . .

— Нет его у меня.

— Нищаго напитай.

— Питаю, когда бывают.

— Странника приюти.

— Редко их видишь . . . да и скандальники они.

— Узника посети.

— Где его возьмешь?

— Словом, — нетерпеливо сказал батюшка, — иди по пути Христову.

Дьякон взволновался.

— Да я о том и спрашиваю: как по нему идти?

Батюшка рассердился и вскочил со стула.

— А я тебя спрашиваю: чего ты ко мне пристал?! И откуда это в тебе явилось? Разве научишь человека словами, как надо жить? До этого своим умом надо дойти . . . да не умом, — сердцем! Пламенеть надо! Скорбеть надо! Тело свое поганое бросить под колесницу Господню! Богу-то не слова нужны, а дела! Дела! Господь-то наш, Иисус, много хороших слов сказал, а мир все во зле лежит. Почему? Потому-что люди-то чтут Его устами, а дела их злы! Злы! Мерзки их дела! Да и чего ты пристал ко мне? Чего тебе надо? Только душу растревожил . . .

Непонятное дьякону раздражение о. Леонида разросталось в гнев.

— Святым быть захотел . . . на старости-то лет? — налетал он на дькона, — поздно, друг, поздно! Грешники мы . . . миру преда-

лись. Туманки мы! На-привязи мы! И за это нам мясца дают . . . Как жить, спрашиваешь? На Голгофу ступай! Муки претерпи . . . за веру свою. За слова Христовы пострадай! Раны Его на себя прими . . .

— Как? — угрюмо спросил дьякон.

— А я почем знаю!

Широкое лицо о. Леонида раскраснелось от непонятного гнева, он взволнованно, быстро ходил по комнате, словно тыкался в углы. Дьякон отошел к двери и стоял там молча, угрюмо опустив голову

А о. Леонид все не мог успокоиться.

Впервые дьякон видел его таким взволнованным и как-бы растерянным и с интересом и удивлением в душе исподтишка наблюдал за ним.

— Думаешь-ли ты, — остановился перед ним о. Леонид, — что я о сем никогда не помышлял? Много, много думал я о сем в юности моей. И скорбел. И плакал я ночами от дум моих. И знаешь, что я скажу тебе, дьякон . . . по душе скажу: будь гонение за веру, на костер-бы взошел я, и единым-бы словом не отказался от Христа моего! Но ведь этого не нужно. Спокойно в полный голос могу говорить я: верую в Него. Так отчего-же теперь, на старости лет, когда ты спрашиваешь меня: как жить по-Божьему? — я ничего не могу тебе ответить . . . ничего . . .

Он говорил все тише.

Скорбь была в его словах.

Как-бы в бессилии опустился он на стул, смотрел на дьякона темными глазами и все повторял.

— Ничего . . . ничего!

Наступила тишина.

Слышно было, как на дворе на кого-то ворчал Туманка, а где-то по соседству попадья считала яйца.

— Три десятка . . . четыре, пять . . . А вот тут одно гнило, уж это наверное Луканиха положила! Она всегда обмануть норовит, стерва!

Внезапно дьякон встал на колени и стукнулся головою о-пол.

— Прости меня, отец, ежели я когда . . . словом или делом . . . прости ради Бога!

— Что ты . . . чего ты?! — вскричал о. Леонид в безграничном удивлении.

Но уж дьякон встал . . .

И быстро вышел из комнаты.

. . . Дьяконица сидела на кровати, вязала чулок и думала. И думы ея были такие-же маленькие, как петельки на чулке, и такия-же быстрые, как вязальныя иголки. Ткали, трали ея думы какую-то пеструю, безпорядочную ткань и, как черная вуаль, прикрывали и давили ея сердце. Быстро работали спицы в ея руках, а она мысленно подсчитывала: сколько можно выручить за собранную дьяконом пшеницу. Потом она думала о том, почему перестала нестись пеструшка, и соображала: не несется-ли она где-нибудь у соседей. Она представляла себе этих соседей и могла о них только злобно прошептать: — разве они скажут! И в душу ея просились воспоминания о всех мелких и злобных столкновениях с соседями, а потом и вообще об обманах, которые допускались мужиками, когда она собирала шерсть, или масло и яйца. — Мужичье, — шептала она, — разве они иначе могут . . . — И мысли ея переходили к шерсти, к маслу. к кислой капусте, которая начала загнивать. Но сквозь извечно сжилась душа ея, все пыталось прорваться воспоминание о давешней сцене с дьяконом. Она хмурилась, переставала вязать и потемневшими глазами смотрела куда-то в одну точку.

И злобно отмахивалась

— К запою это!

И быстрые, маленькие мысли продолжали ткать безпорядочную и злобную ткань воспоминаний о дьяконовом запое, о тяжелом, мрачном запое его, который продолжался иногда целыми неделями. Однако было что-то в давешних дьяконовых словах новое, незнакомое ей, что заставляло ее невольно возвращаться к ним. И воспоминание разорвало ткань забот, заполнило душу и привело с собою другие воспоминания, жившие в душе ея как-бы на дне темной пропасти. Она забыла про вязанье и сидела, уронив на колени руки. Далекое вспомнила она. Вспомнила она об учителе, с которым когда-то ушла от дьякона. Угрюмо и холодно она об нем вспомнила. И никогда она так ясно не давала себе отчета, что все это было только от скуки, от невероятной, не-человеческой скуки. И все, что-бы ни вспомнила она в своей жизни, окрашивалось этой серой скукой. Жизнь у отца . . . ах, как это давно было . . . Как скучно . . . Забота о маленьких братьях и сестрах . . . как помнить себя . . . вечная нянька! Сердце рвалось куда-то . . . куда? Она не знала. А в шестнадцать лет ее просватали . . . за кого, она не знала. Пришел человек и взял ее, увез с собою. И никогда он не спросил ее, о чем она думала . . . или плакала. Точно все это так и надо было. . . и в этом жизнь. Был он тогда веселый человек . . . но чужой ей. Чужой . . . она задумалась над этим словом.

И вдруг показалась ей вся жизнь ея какою-то чужой . . . не настоящей, не ея жизнью. Злобно-было сжались ее губы по привычке и потемнели глаза, но вдруг острая жалость к себе самой поднялась со дна души ея. И с удивлением заметила она, что к этой жалости к себе присоединилась и жалость

к мужу . . . ведь он тоже был несчастен с ней.

— Головешки . . . чадят, чадят, — повторяла она его слова, — что это он хотел сказать такое?

Но когда послышались шаги дьякона и за окном прошла его тяжелая тень, мысли и чувства дьяконицы снова спрятались под серую паутину и она злобно прошептала.

— Пьян!

Но она вся вколыхнулась от удивления и какого-то странного, как-будто радостного испуга, когда дьякон вошел, — она мигом заметила: совершенно трезвый, — и в надвигавшемся сумраке подошел к ней, тяжело, шумно повалился на-пол, словно упал, обессиленный долгим путем, и как-бы с безслезным плачем припал губами и лицом к ноге ея.

— Что ты, что ты? — хотела она сказать. И не могла.

А он глухо, шумно говорил ей.

— Прости . . . Варварушка!

Она в невольном порыве положила руки на его лохматую голову.

— Что с тобою . . . Павел! — прошептала она.

— Прости . . . за всю жизнь прости меня! Не так я жил. И ты не так . . . через меня! Слушай . . . Варварушка! Окаянной жизнью жили мы, бесовской жизнью, в сваре и вражде. Может, через то и дети наши несчастны. Не то. Все это не то. Головешки вставлены...

— Какие головешки, Павел? — со смутным интересом нагнулась она к нему.

— Души наши. Головешки . . . чадят, чадят . . . сорок лет!

И ничего он не мог сказать ей больше, не мог выразить смутное свое. Но непонятные слова его показались ей вдруг понятными. Странные и незнакомые, нежные какие-то мысли разорвали серую паутину души ея, словно из скрытых темниц вырвались на свободу и нежною улыбкой осветили лицо ея. Руки ея скользнули на его плечи и головою она припала к голове его.

— Прости и ты меня . . . старичок мой!

С. Гусев-Оренбургский.

Редакционная Комиссия:
С. И. Гусев-Оренбургский,
В. М. Левин, И. М. Левин, Н. В. Штембер.

Обложка худ. Иосифа Левина.